

K-20

Академия Наук С С С Р

Институт Востоковедения

Г.Х.Каплан

ГЛАГОЛ В СРЕДНЕАССИРИЙСКОМ ДИАЛЕКТЕ

АККАДСКОГО ЯЗЫКА

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

(по специальности 676 - семитские языки)

Ленинград

1969

Работа выполнена в Ленинградском отделении Института Востоковедения АН СССР.

Научный руководитель – доктор исторических наук
И. М. Дьяконов.

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Г. Ш. Шарбатов, кандидат исторических наук В. К. Афанасьева.

Ведущее учреждение – Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова.

Автореферат разослан " _____ 1969 г.

Защита диссертации состоится " _____ 19__ г.
на заседании Ученого Совета Института Востоковедения АН СССР, Москва, центр, Армянский пер. 2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института.

Ученый секретарь Совета:

Аккадский язык является единственным представителем северо-восточной группы семитских языков. Он известен по письменным памятникам XXIV–I вв. до н.э. Начиная с XXI в. до н.э., мы застаем аккадский язык распавшимся на два диалекта: вавилонский и ассирийский. Периодизация этих диалектов в основном совпадает с периодизацией истории Ассирии и Вавилонии. Ассирийский диалект представлен тремя последовательными этапами – старо-, средне- и новоассирийским.

Настоящая работа посвящена исследованию глагольной системы среднеассирийского диалекта – I500–I000 г.г. до н.э. Памятники этого периода дошли до нас как на вавилонском, так и на ассирийском диалектах. Разграничение их связано с известными трудностями. Диалектная атрибуция аккадских памятников второй половины II тысячелетия до н.э. осуществляется прежде всего при помощи сравнения с хорошо изученным языком новоассирийских писем. Такая методика позволила определить как бесспорно принадлежащие к среднеассирийскому следующие категории текстов: 1/ письма; 2/ юридические и хозяйственные документы; 3/ законы, 4/ дворцовые и гаремные царские указы. Эти памятники легли в основу данной работы.

Отдельные группы текстов различаются не только по стилю, но и по степени тщательности передачи морфологических особенностей на письме. Поэтому при изучении грамматического строя среднеассирийского, в частности, его глагольной системы, приходится анализировать каждую группу текстов в отдельности и лишь затем строить общую картину для диалекта в целом. Работа состоит из трех глав, введения и заключения.

Глава I. Фонологические особенности среднеассирийского диалекта

В §§ I-IO этой главы рассматриваются комбинаторные изменения гласных и согласных в аккадском, в том числе характерные для среднеассирийского диалекта.

§ II посвящен долготе и ударению. В среднеассирийских памятниках (преимущественно в законах) встречается ряд глагольных форм с необычным (по сравнению с фиксируемыми в грамматиках нормами) графическим удвоением гласных или согласных. Характерные примеры такого рода приводятся в таблице № I (7-й столбец). Анализ этих написаний позволяет сделать следующие наблюдения.

В аккадском, как и в других семитских языках, в качестве долгого выступает либо открытый слог, содержащий долгий гласный, либо закрытый слог. Написания с удвоением гласного и с удвоением согласного могут чередоваться: *ub-ba-la-aš-ši* "он должен привести её" (KAV I, V, 91) и *ub-ba-la-a-ši* (KAV I, V, 71). Поэтому формы *na-a-ši* и *na-aš-ši* (табл. № I, стк. I2-I3) следует считать орфографическими вариантами.

Считается, что этимологически долгота в аккадском языке бывает природной (например, инфинитив породы I₁ типа *parā-su(m)*) и производной (результат слияния гласных и ассимиляции согласных). В работе рассмотрены основные случаи обозначения на письме этимологической долготы в глагольных и именных формах среднеассирийских текстов, например, в инфинитиве породы I₁ типа *parāsu(m)*: *i-na a-la-a-ki* "по приходе" (KAV I, V, II); в именах типа **pās-*, **pūs-*, **pīs-*: *i-na ma-a-te*

"в стране" (KAV I, VI, 86) и др.

Помимо этимологической долготы полногласным написанием могут обозначаться краткие по природе гласные, предшествующие односложным местоименным и другим энклитикам, например, в формах субъюнктива: *bal-tu-ú-ni* "(пока) он жив" (KAV I59,5); в окончании род.над. имени: *a-na ša-ku-li-i-ša* "на прокормление её" (KAV I, VI, IO4) и др.

Выяснилось, что полногласное написание как этимологически долгого, так и этимологически краткого гласного появляется либо в односложных словах, либо в словах многосложных во втором слоге от конца. Этот орфографический прием проверен на большом числе примеров, и, по-видимому, его можно рассматривать как отражение определенного фонетического явления, а именно — системы ударения.

Наиболее обоснованной концепцией ударения в аккадском языке является в настоящее время теория Ландсбергера-Зодена, базирующаяся на закономерностях аккадского стихосложения. Согласно этой теории, ударение в аккадском падает либо на третий слог от конца, либо на предпоследний — в случаях, если слово состоит из двух слогов, или если предпоследний слог долгий. Односложные частицы и энклитические местоимения перетягивают ударение на непосредственно предшествующий им слог, а многосложные энклитические местоимения принимают ударение на себя. Таким образом, если следовать теории Ландсбергера-Зодена, то в среднеассирийском полногласное написание появляется прежде всего в ударных слогах (независимо от того, были ли гласный в них этимологическим долгим или кратким).

Однако в примерах, приведенных в 7-м столбце таблицы № I, слоги с полногласным написанием не соответствуют по схеме Ландсбергера-Зодена ударным слогам. Не исключено, что появление полногласных написаний в таких случаях является отражением системы ударения, отличной от обычной для литературного аккадского языка. Можно предположить, что при этом ударение имело тенденцию перемещаться ближе к концу слова: оно, в частности, падало на последний слог, если он был закрытый, и на предпоследний слог, если последний слог был открытый.

В литературном аккадском языке перемещение ударения наблюдается обычно в вопросительных предложениях. Среднеассирийские примеры с предполагаемым нами перемещенным ударением не связаны с вопросительными конструкциями. Эти примеры представлены, в основном, формами презенса в санкциях законов и глагольными формами, завершающими посылку закона и стоящими непосредственно перед санкцией. Законы читались вслух, возможно, скандировались, что могло привести к усилению интонации, особенно в узловых местах текста. Фразовое ударение могло повлечь за собой перемещение ударения в слове. Б. Ландсбергер предложил рассматривать формы с необычным полногласным написанием из среднеассирийских законов как паузальные.

Следует, однако, отметить, что формы с полногласным написанием такого рода встречаются и в других диалектах аккадского языка. Их много в старовавилонских текстах предсказаний, в письмах из Ларсы некоего ЦиллиШамаша и в письмах среднева-

вилонского царя Бурнабуриаша, причем толкование таких форм как паузальных представляется для этих текстов вряд ли возможным.

При попытках интерпретации таких форм следует учитывать, что с начала II тысячелетия до н.э. в Двуречье активно проникают амореи, которые довольно скоро составили значительную прослойку в местном населении. Амореи, принадлежащий к ханаанейской группе семитских языков, известен только по именам собственным, так что судить о его системе ударения трудно, однако нам известна система ударения в другом, более позднем языке той же группы — в древнееврейском, сохранившемся в довольно достоверной масоретской традиции. На основании данных этой традиции С. Кантино пришел к выводу, что в прото-еврейском в период, предшествующий отпадению гласной флексии, ударение падало на предпоследний слог. Хр. Сорев считал, что ударение приходилось на гласный перед последним согласным, независимо от длительности этого гласного и независимо от того, что шло за последним согласным: долгий гласный или краткий, или же гласный отсутствовал вообще. Все это весьма напоминает систему ударения, которую можно предположить в аккадских примерах с необычным полногласным написанием. Следует также отметить, что эти примеры в каждом диалекте концентрируются лишь в нескольких памятниках, которые иногда явно восходят к одному и тому же писцу (например, письма ЦиллиШамаша или Бурнабуриаша). Поэтому представляется не лишним основания предположение, что писцы (возможно, аморейского

Форма	Порода	Число	Род	Ассирийский образец (норма)	Обычная среднеассирийская форма	Формы с необычными графическими удвоениями гласных или согласных
I	2	3	4	5	6	7
I	II	ед.ч.	м.р.	'éppaš	e-ep-pa-š KAV 2, VI, 15	e-pa-a-šš KAV 2, V, 33
2				'iša'al	i-ša-'a-al C.Rs.I.	i-ša-'a-a-al KAV I, VII, 25
3		мн.ч.	м.р.	'iqarribū	(la-a)i-qar-ri-bu KAV I, IV, 17	(la-a) i-qar-ri-i-bu KAV I, I, 22
4				'iša'nū	-	i-ša-'u-ū-lu KAV I, VI, 63
5				'illukū	il-lu-ku KAJ 61, 10*	il-lu-ū-ku KAV I, II, 71
6	II	мн.ч.	м.р.	'upallnū	u-pal-lu-šu KAV I, V, 101	u-pal-lu-ū-šu KAV I, V, 84
7				'unakkušū	u-na-ak-ku-su KAV I, I, 50	u-na-ku-ū-su KAV I, V, 92
8	IV _I	мн.ч.	м.р.	'innamurū	in-na-ma-ru AFO 17, STD. 290, 127	in-na-ša-ū-ru KAV I, IV, 94
9	I	ед.ч.	м.р.	'itteker	it-te-ke-er KAV I, VII, 15	it-te-ke-e-er KAV I, III, 65
10			ж.р.	taḫtepe	taḫ-te-pe KAV I, I, 86	ta-āḫ-te-e-pe KAV I, I, 79
11	I	ед.ч.	м.р.	rakis	ra-ki-i[s] KAJ 38, 13	(la-a) ra-ki-i-is, KAV I, IV, 72
12				naši	na-ši KAJ 79, 18	na-a-šši KAJ 165, 23
13				mētat	me-ta-at KAV I, VII, 70	na-a-ši KAJ 169, 20
14			ж.р.	mētat	me-ta-at KAV I, VII, 70	me-ta-a-at KAV I, VII, 99

происхождения) в силу собственного двуязычия иногда отражались в аккадских текстах ударение, характерное для аморейского языка. В дальнейшем для проверки этого предположения целесообразно рассмотреть все формы с полногласным написанием в текстах, происходящих с территорий наибольшего распространения амореев, таких как Мари и Ларса.

Глава II. Финитные глагольные формы

В этой главе рассматривается употребление форм презенса, претерита, перфекта и статива (пермансива). Формы, по традиции называемые презенсом, претеритом и перфектом, выражают в аккадском языке видо-временные отношения. Вопрос о том, к какой категории их следует относить в среднеассирийском диалекте - к категории вида или времени - является лишь частью более общей проблемы разграничения временных и видо-вых значений в аккадском. Эта проблема исследователями решалась по-разному.

Фр. Делич считал, что презенс изначально выражал настоящее и будущее время, а претерит - прошедшее время. А. Унгнад, напротив, полагал, что аккадские глагольные формы могут выражать только длительность и мгновенность действия: статив выражает длительное действие, презенс - незаконченное мгновенное действие, реже длительное действие, претерит - законченное мгновенное действие. По мнению Б. Ландсбергера, первоначально в аккадском языке существовали только виды, но в сфере значения мгновенного действия развилась система времен, так что претерит стал обозначать прошедшее время, презенс - будущее, а претерит вторичных пород (т.е. форма с инфиксом

-ta-- настоящее. Точку зрения Ландсбергера развил Г.Бергштрессер.

После Ландсбергера и Бергштрессера многие исследователи занимались проблемой употребления форм с инфиксом **-t(a)-**, Наиболее обоснованная точка зрения высказана А.Гетце. Анализ старовавилонских текстов привел его к выводу, что существует две группы форм с инфиксом **-t(a)-**. В первую входят формы, которые употребляются как особая временная категория; в этих формах инфикс **-t(a)-** не изменяет исходную семантику глагольного слова. Формы первой группы в самостоятельном употреблении могут выражать действие, которое завершилось, но результат которого продолжает сказываться в момент речи, а при употреблении в одном ряду с другими видовременными формами могут подчеркивать временную последовательность действий. Во вторую группу входят формы, в которых инфикс **-t(a)-** придает глаголу возвратно-взаимное или отделительное значение. Гетце выводит грамматическое значение форм первой группы (=видо-временное) из значения форм второй группы (=породного). Теория Ландсбергера и исследование Гетце легли в основу описания системы аккадских времен в грамматике В.фон Зодена. Последний считает, что уже в староаккадский период глагольные виды стали выражать время: презенс - настоящее и будущее (хотя он может обозначать и длежащее действие в прошлом), претерит - прошедшее и давнопрошедшее. Наряду с презенсом и претеритом существует, согласно фон Зодену, еще одна временная форма - перфект, генетически связанный с прете-

ритом вторичных пород (инфикс **-t(a)-** в основных породах и **-tat(a)-** в производных). Первоначально аккадский перфект обозначал только что завершившееся или находящееся на стадии завершения действие. Он мог подчеркивать последовательность времен, выражая послепрошедшее время после претерита и предбудущее перед презенсом. Начиная со среднего этапа истории аккадского языка, перфект отличается от претерита только большей эмоциональностью: если претерит констатирует факт совершения действия, то перфект этот факт утверждает.

Большинство ученых в настоящее время придерживается теории фон Зодена, однако некоторые считают, что в аккадском на всем протяжении его истории существовала только система видов. Наиболее четко эта точка зрения сформулирована недавно И.М.Дьяконовым. Он трактует презенс как несовершенный вид, претерит как совершенный вид, а перфект как форму, передающую последовательность действий. И.М.Дьяконов полагает, что до появления форм с инфиксом **-tat(a)-** (а эти формы редкие и, обычно, поздние) аккадский перфект следует рассматривать как особый случай употребления претерита вторичных пород с инфиксом **-t(a)-**. Теория видов в аккадском языке идет в русле современной семитологии, рассматривающей традиционные "времена" в семитских языках как виды (М. Коэн, С.Москати).

При выяснении характера употребления презенса, претерита и перфекта в среднеассирийских текстах в настоящей работе использованы понятия вида и времени в следующих значениях:

время действия определяется отношением действия к моменту повествования; под видами понимаются различные способы представления о протекании действия: действие представляется или в его течении, в процессе его совершения - курсивный (несовершенный) вид, или как ограниченное каким-либо пределом совершения, будь-то момент возникновения или же момент окончания действия - это констатирующий (совершенный) вид.

1. Презенс. В среднеассирийских текстах презенс выражает: I/ постоянное действие, которое совершается обычно, а потому может происходить в момент повествования, до и после него: **i-lu-ku-ú-ni** "(вода, которая) идет (на орошение)" (KAV I, П, 17);

2/ длительное действие, которое может происходить до или после момента повествования: **la-a ta-ma-gu-ur** "(если жену человека... человек схватил... "я хочу владеть тобой"- сказал ей, а) она не соглашалась, (она берегла себя...)" (KAV I, П, 17); **a-ra-laj** "(господина моего) я буду почитать" (KAV I 59, 5);

3/ действие, происходящее в момент речи: **i-qa-bi-a** "он говорит мне (сейчас)" (KAV I 96, 7);

4/ действие, происходящее в определенный момент в прошлом или будущем: **er-ra-bu-ni us-sa-a-ni** "(когда евнух) будет входить, (а дворцовые женщины) будут выходить, (начальник дворца в дверях дома омовения должен стоять)" (AfO I 7, стр. 277, 54); **ta-s[a-ni]u-ur** "если дворцовая

женщина интриговала (или будет интриговать)" (AfO I 7, стр. 287, 103);

5/ завершённое действие, относящееся к будущему: **i-du-ak** "(если муж женщины жену свою) убьет..." (KAV I, П, 51); **i-du-nu-ni** "(когда зерно они отдадут..." (KAV I, 24*);

6/ презенс употребляется для выражения возможности, долженствования, желания, а с частицей отрицания - для выражения запрета: **id-du-mu-ú-ni i-id-dau** "(куда царь) захочет отдать, он может отдать" (KAV I, VI, 88); **ú-še-et-tu-qu** "они должны пронести" (KAV I, III, 91); **la ta-ma-gu-ra** "не соглашайтесь" (KAV I 94, 18).

2. Претерит. Претерит выражает завершённое действие, которое может иметь место до или после момента повествования: **ir-ku-ús** "(договор)он скрепил" (AfO I 7, стр. 287, 102); **ú-uš-šer** "(если) он простит" (KAV I, I, 53).

3. Перфект. Перфект выражает завершённое действие, которое может иметь место до или после момента повествования: **e-ta-ma-ar** "он увидел" (KAV I 301, 8); **it-tu-ú-ra** "(когда) он вернется" (KAV I, VI, 73).

В исследуемых текстах не встречаются формы с двойным инфиксом **-tat(a)-**, а также формы с инфиксом **-t(a)-**, которые бы четко отличались по семантике от глагольных форм основных пород.

Таким образом, в среднеассирийском презенс, претерит и перфект могут быть определены как категории, лишенные четкой временной характеристики, - они могут выражать действия, про-

исходящие до или после момента повествования; презенс, кроме того, выражает также действие, синхронное моменту речи.

Существенно, что претерит и перфект всегда выражают завершенное действие, следовательно, каждый из них можно определить как форму выражения констатирующего вида.

Для презенса ведущими (типы употребления I-4) являются значения незавершенности, неопределенности действия, т.е. основная функция презенса - выражение действия курсивного вида. Лишь в случаях употребления презенса в сфере будущего (типы 5-6) у него может появляться значение завершенности действия. Такое явление, видимо, можно трактовать как нейтрализацию видового противопоставления, но такая нейтрализация не превращает презенс во временную категорию будущего - значение последнего могут выражать также претерит и перфект. Следует, однако, отметить, что в среднеассирийских текстах презенс выражает завершенное действие будущего времени значительно чаще, чем претерит и перфект.

Выборочный просмотр текстов на других аккадских диалектах показывает, что тенденция к превращению презенса во временную категорию имела место на протяжении всего зафиксированного в письменности периода существования аккадского языка. Пути реализации этой тенденции в отдельных диалектах предстоит еще исследовать.

4. Взаимоотношения значений претерита и перфекта.

Анализ памятников позволяет сделать следующие наблюдения в этой области:

I/ При выражении действий, которые осуществлялись в

будущем, претерит и перфект в одном и том же контексте не встречаются. Поэтому приходится ограничиваться анализом употребления этих форм в различных предложениях. И претерит, и перфект встречаются в условных предложениях, вводимых союзом *šumma*, а также в бессоюзных временных предложениях и в относительных придаточных. Следовательно, в рамках будущего времени перфект и претерит не различаются по грамматическим значениям. Можно лишь заметить, что перфект в сфере будущего употребляется чаще, чем претерит.

2/ В сфере прошедшего претерит и перфект неоднократно засвидетельствованы в пределах одного предложения; при этом обнаруживается, что действие, предшествующее во времени другому действию, или, напротив, следующее за ним, может быть выражено как претеритом, так и перфектом, что не позволяет говорить о разграничении их значений при выражении ряда последовательных действий.

Ниже приводится таблица (№ 2) употребления претерита и перфекта при обозначении действия, предшествующего моменту речи (в таблице учтено употребление этих форм в разных предложениях, а также в пределах одного и того же предложения):

В сфере прошедшего в синтаксическом и стилистическом употреблении претерита и перфекта можно обнаружить определенные различия: а/ перфект употребляется в простых предложениях и в главных предложениях в составе сложноподчиненных; в придаточных отмечены только формы претерита; б/ в юридических документах и в застывших формулах указов претерит встречается

Таблица № 2

Тип предложения вид памятника	Перфект		Претерит	
	самостоятель- ные и главные предложения	придаточ- ные пред- ложения	самостоя- тельные и главные предложе- ния	придаточ- ные пред- ложения
1. Письма	29	-	2 ^I	3
2. Законы	3	-	(1) ²	1
3. Указы	-	-	9 ³	-
4. Юридические документы	30	-	51	61
Итого:	62	-	63	65

Примечания к таблице № 2 :

- 1/ эти два примера встретились в вопросительном предло-
жении;
- 2/ от глагола 'idā'u "знать", который никаких форм,
кроме претерита, в аккадском языке не образует;
- 3/ все случаи приходятся на употребление претерита от
глагола rakāsu "скреплять" в предложении-формуле,
предваряющей указы каждого царя.

не только в придаточных, но и в самостоятельных предложениях,
причем даже чаще, чем перфект.

3/ Употребление претерита и перфекта в посылках законов

и в некоторых посылках указов следует рассматривать особо,
так как неясна временная отнесенность этих посылок. Анализ
этих посылок также не обнаруживает преимущественного или
исключительного использования перфекта для выражения дейст-
вия, следующего за другим действием.

Посылка закона или указа может предшествовать санкции
в виде условного предложения, вводимого союзом *šumma* (I-й
тип посылок), и может вклиниваться внутрь санкции в виде
относительного придаточного (II-й тип посылок).

В аккадском условные предложения, вводимые союзом
šumma не рассматриваются как придаточные: сказуемые таких
предложений выступают в форме индикатива. В остальных при-
даточных, вводимых союзами, сказуемое стоит в субъюнктиве.

В посылках I-го типа широко употребляются как претерит,
так и перфект, хотя вместе они обычно не встречаются. В по-
сылках II-го типа отмечен претерит. Отсюда следует, что рас-
пределение грамматических значений между претеритом и перфек-
том в посылках законов и указов аналогично распределению этих
значений в конструкциях, где обе формы выражают прошедшее
время (ср. табл. № 2). Полное отсутствие в этих посылках пре-
зенса для обозначения действия констатирующего вида также
наводит на мысль, что сами ассирийцы относили эти посылки не
к будущему, а к прошедшему.

Таким образом в среднеассирийском диалекте между пре-
теритом и перфектом существуют различия в синтаксическом и
стилистическом употреблении, проявляющиеся, видимо, лишь в

сфере прошедшего, хотя обе формы могут обозначать и будущее действие.

В средневавилонском диалекте наблюдается сходная картина. Следует лишь заметить, что в памятниках этого диалекта, в отличие от среднеассирийских, зарегистрировано несколько десятков вопросительных и самостоятельных отрицательных предложений, в которых употребляется только претерит.

Таким образом, в средний период истории аккадского языка перфект превращается в форму сказуемого утвердительного самостоятельного предложения, а претерит — в форму сказуемого придаточного предложения. Такое положение наиболее четко прослеживается в письмах. В юридических документах, а также в застывших формулах законов и указов претерит продолжает употребляться в самостоятельном утвердительном предложении. В вопросительных и самостоятельных отрицательных предложениях во всех группах памятников обычно употребляется только претерит. Эти различия в синтаксическом и стилистическом употреблении форм претерита и перфекта в среднеассирийском и средневавилонском уже были отмечены в грамматической литературе. В. фон Зоден объясняет эти различия тем, что в памятниках этой эпохи перфект употребляется для логического подчеркивания, утверждения факта действия (*Behauptungsform*), а претерит — для простой констатации действия (*blasse Feststellung*). При этом фон Зоден объясняет такое разграничение в употреблении претерита и перфекта влиянием шумерских глагольных форм с префиксами *mu-* и *i-*.

Трудно однако себе представить, чтобы шумерский язык, к этому времени (1500–1000 г.г. до н.э.) уже давно исчезнувший из живого употребления и сохранившийся лишь как язык науки и религии, мог оказать серьезное влияние на живой разговорный аккадский язык. (Если принять гипотезу фон Зодена, то окажется, что преимущественному влиянию шумерского языка подвергся стиль частных писем, где разграничение синтаксических функций перфекта и претерита выступает особенно рельефно!). Кроме того в самом шумерском далеко не ясна роль префиксов *mu-* и *i-*.

Гипотеза фон Зодена столь же неприемлема для среднеассирийских законов, в посылках которых употребляются и претерит, и перфект; неясно, почему одно действие, предусмотренное посылкой, лишь констатируется, а другое — утверждается.

Можно попытаться иначе объяснить отмеченные различия в употреблении претерита и перфекта. Уже в старовавилонском в сфере прошедшего перфект не употребляется в относительных придаточных предложениях — в старовавилонских памятниках даже в рамках самостоятельного предложения перфект обозначал действие, следующее за другим действием, выраженным претеритом, тогда как действие придаточного предложения чаще всего предшествует действию главного. На средней стадии развития аккадского языка перфект утратил функцию выражения последовательности действий и продолжал существовать как наиболее общая форма сказуемого самостоятельного утвердительного предложения. Для понимания причины этих

изменений в употреблении перфекта следует прежде всего изучить видо-временную систему аккадского языка на протяжении всех периодов его существования в рамках обоих письменных диалектов.

Как известно, от каждого периода истории аккадского языка дошли документы, различные не только по содержанию, но и по стилю. Если сравнить среднеассирийские и средневавилонские письма с царскими надписями этого же периода, то окажется, что в надписях перфект встречается крайне редко. Это объясняется, вероятно, не тем, что в официальных царских надписях действие констатируется, а в письмах оно утверждается (скорее наоборот!), а тем, что язык этих надписей очень далек от живого разговорного языка и намеренно архаизирован. Подобно царским надписям, форма юридических документов весьма подвержена стандартизации и менее чувствительна к изменениям в языке, нежели письма. Отсюда понятно, почему в среднеассирийских юридических документах перфект распространен меньше, чем в письмах того же периода.

В посылках I-го типа среднеассирийских законов употребляются, как отмечено, и претерит, и перфект, хотя в пределах одной и той же посылки они обычно вместе не встречаются. Предполагается, что отдельные части судебного кодекса создавались в различные периоды, поэтому не исключено, что дошедшая до нас копия отражает ряд языковых напластований, которые выражаются, в частности, в употреблении то претерита, то перфекта в посылках I-го типа. Случаи употребления претерита нужно, вероятно, считать более древними.

Вопрос об употреблении глагольных форм в вопросительных предложениях в аккадском языке пока специально не исследовался. Что касается самостоятельных отрицательных предложений, то уже в старовавилонском диалекте перфект в них обычно не употреблялся, следовательно, причину отсутствия перфекта в самостоятельных отрицательных предложениях следует искать в древнейших аккадских диалектах.

5. Статив. Статив – категория, выражающая состояние, в том числе состояние как наступивший и длящийся результат действия. Статив является залогово-нейтральной, безотносительной ко времени и виду категорией. Обычно он употребляется в пассивном значении, но может иметь и активное значение. При употреблении в санкции закона или в заключительной части юридического документа статив может приобрести значение долженствования наступления данного состояния. Статив образует также особую побудительную форму с частицей *lū* (параллельно претериту, образуемому от претерита).

Выражая состояние, статив противопоставляется презенсу, претериту и перфекту, как выразителям действия. Засвидетельствованы, однако, конструкции, в которых статив употребляется параллельно с другими финитными формами. Так в двух вариантах одного и того же указа встречается оборот "(если) под палками она умерла (умрет)", в котором выступает то претерит (*te-me-
-e [t]*, AFO I7, стр. 284, 88, табл. F), то статив (*mé-ta-a
AFO I7, стр. 284, 88, табл. G*).

В главе III дается обзор других глагольных категорий, рассматриваемых в грамматиках аккадского языка:

- 1/ Категории рода и числа в глаголе.
- 2/ "Наклонения" (индикатив, субъюнктив, императив).
- 3/ Формы пожелания и запрета (прекатив, прогибитив, ветитив).
- 4/ Вентив.
- 5/ Отглагольные имена (инфинитив, причастие действия, причастие состояния).
- 6/ Породы (I₁, II₁, III₁, IV₁, II₂, III₂, I₃, IV₃).
- 7/ Группы глаголов:

1/ Сильные глаголы, четырехсогласный глагол; 2/ слабые глаголы: глаголы с начальным *ʾ*, глаголы с удвоенным вторым корневым, глаголы с начальным *u*, супплетивные глаголы **naḏānu/taḏānu* и **naḏāzu/zu'āzu*, глаголы с начальным *w/ḡ*, глаголы со вторым корневым *ʾ*, "пустые" глаголы, "недостаточные" глаголы; 3/ вдвойне слабые глаголы.

Анализ показывает, что в среднеассирийских памятниках формобразование и формоизменение глагола происходит по образцам, обычным для ассирийского диалекта всех периодов. В исследуемых текстах встречаются отдельные вавилонские формы, что, по-видимому, объясняется влиянием вавилонского литературного языка на письменный язык Ассирии изучаемого периода.

Заключение

Установленные закономерности позволят продолжить работу по исторической грамматике аккадского языка. Кроме того, на основании уже выявленных особенностей среднеассирийского диалекта можно теперь рассматривать и другие, найденные в

Ассирии тексты этого периода с точки зрения их диалектной принадлежности. Становится ясным, что официальные надписи среднеассирийских царей нельзя считать характерными для какого-то одного определенного диалекта, так как в области образования глагольных форм в них наблюдаются особенности как среднеассирийского, так и средневавилонского диалектов.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. К вопросу об ударении в среднеассирийском диалекте аккадского языка (тезисы доклада), "Конференция по семитским языкам 26-28 октября 1964 г. (тезисы)", стр. 42-43.
2. К фонетике среднеассирийского диалекта аккадского языка, "Семитские языки", вып. 2 (ч. I), М., 1965 г., стр. 186-200.
3. Новые исследования по шумерскому и аккадскому глаголу (часть II), "Вестник древней истории", № 2, 1968 г., стр. 180-182.